

**ВИКТОРИЯ
БАРКОВСКАЯ**

ИЗМЕНА

БОЛЬШЕ НЕ ЖЕРТВА

Виктория Барковская

Измена. Больше не жертва

<https://litres.ru/74346253>

Аннотация

- Прекрати.
- Ну! Скажи же! Давай! Почему бросаешь меня? Ну?
- Ир, успокойся... – нервничает он.
- Неужели и правда влюбился в эту Зюзю? Да она тебя на первого богатенького променяет! Думаешь, сдался ты ей?
- Хватит. Достала! Да! Не могу я! Не могу больше смотреть на тебя. Твоё "новое" лицо выело мне все глаза. Я любил тебя, правда, но мне нужна красота, мне нужно чем-то любоваться, чему-то радоваться. Телу женщины, красивому, утончённому, с формами. А у тебя, ну... Уже и не только в лице-то проблема, Ир. Раньше ты такая худенькая была, но с формами...
- Я с этого выпала. Неужели это правда? Моему собственному мужу всегда было плевать кто я и что из себя представляю? Только тело его волновало?

После аварии не только моя жизнь рухнула, но ещё и депрессия нахлынула, а за ней пошли и лишние кило. И всё из-за него. Он был за рулём!

Проды каждый день ♥#

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1 – Секреты ловли карпа	7
Глава 2 – Тишина перед разломом	15
Глава 3 – Планы	22
Глава 4 – Хрущёвская жизнь	31
Глава 5 – Взглянуть боли в глаза	40
Глава 6 – Дипфейк	47
Глава 7 – Заднюю гнать поздно	54
Глава 8 – Лотерея	62
Глава 9 – Не успела	69
Глава 10 – Завещание	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

ПРОЛОГ

– Кто такая Лиля? – держу в руке его телефон, заходя в прихожую, голос дрожит, – «Скучаю по тебе, зай...» – это что?

– Не надо читать чужое, – выхватывает телефон из моих рук, отворачивается, – это неважно.

– Ты спишь с ней? – шокировано, сдерживая истерический порыв.

– Сплю? Нет! – психует, убирая доказательства в карман и параллельно накидывая тёплую куртку. – Не сплю. И давай без истерик, это всего лишь сообщение.

– Куда ты уходишь? – хватаю с тумбочки его ключи, сжимая в ладони.

– Ир, мне надо уехать. Пожить отдельно. Подумать, – топчется он, доставая с антресоли подготовленную заранее дорожную сумку. – Дело не в тебе, во мне. Я давно это чувствую. Мы... застряли.

– И ты мне говоришь это только сейчас? Почему ты со мной это даже не обсудил? Сам всё решил!

– Потому что я не хочу делать тебе больно, – оправдывается он и грузит сумку на плечо, пряча глаза. – Я не хочу ссор. Я устал.

– Ты едешь к ней?

– Нет. Неважно... Это не про другую женщину, честно. Просто всё изменилось. Я не могу так больше, мне тяжело... тебя видеть. Ты изменилась, Ир. Не внешне, не только... Просто внутри что-то в тебе... угасло. Я чувствую это.

– Так значит... Ты не можешь на меня больше смотреть, да? Это из-за шрама? – прерывисто глотаю воздух.

– Нет-нет, я не только про это... В смысле, про другое. Ты стала... ну... слишком печальной. И я не могу всё время быть рядом с этим.

– Ты серьёзно мне это сейчас..? Я стала печальной потому, что каждый день, смотрясь в зеркало, вижу напоминание. Об аварии. Ты был за рулём, ты отвлёкся на телефон, Алексей!

– Я тысячу раз просил прощения за ту аварию! Это был несчастный случай!

– И всё же мне жить с этим лицом каждый день. Из-за этого попёрли с работы, сам знаешь. Как, по-твоему, здесь не быть печальной? Я ради тебя хожу к психологу, мне мозги вправляют два раза в неделю. Пытаюсь быть собой, учусь заново... я думала, ты видишь, как я стараюсь...

– Я понимаю, но и ты меня пойми. Я не могу вечно жить с виной. Я пытался. Но каждый твой взгляд, как укор. Я не обязан всю жизнь жить в этом... наказании.

– То есть ты просто уходишь? После всего? После больниц, бессонных ночей, этих долбанных кризисов? Но мы же справились, были хорошие моменты, и я тебя простила давно. И ты вот так ломаешь наш брак?

– Мне просто нужно начать сначала. Всё с нуля. Без прошлого, без этой... тяжести. Я тоже имею право на жизнь, Ирина.

– На красивую жизнь?

– Прости, но... я хочу рядом женщину, с которой не будет всё напоминать об аварии.

– Всё, ты имеешь в виду – это? – показываю ему на своё изуродованное лицо.

– Перестань, и давай, отдавай уже ключи.

– И чем же она лучше, а? Эта Лиля! Будет тебя любить так же, как и я? Заботиться, как и я? Готовить твои любимые щи? Пылинки сдувать? Чем она лучше?

– С ней легче. Смотрит на меня, как на мужчину. Привлекает меня, как мужчину...

– То есть это всё-таки из-за того, как я выгляжу?

– Не надо так... Ты сильнее, чем кажешься. Ты справишься, – протягивает мне руку, требуя ключи. – А я... Я просто не могу жить чужой жизнью. Ты заслуживаешь лучшего. Человека, который будет тебя любить, несмотря на... несмотря ни на что.

Глава 1 – Секреты ловли карпа

Швыряю ключи ему в ноги.

– Выметайся!

Больше ни слова не проронив, он гордо поднял ключи и буквально сбежал.

Человек, который со студенческих лет бегал за мной хвостиком и годами добивался, клялся в любви и отбивал от других мужчин, которым я тоже была не безразлична. Получается, ради этого? Чтобы бросить меня в самый непростой период моей жизни? Я всегда считала, что ему была важна моя душа, мой голос, шутки, смех... и никогда бы не подумала, что он настолько стыдится находиться рядом со мной.

Я старалась, сжимала зубы, улыбалась, когда всё внутри ломалось. А он... он просто ждал момента, чтобы уйти.

От внезапного чувства холода я запахиваю халат и решаюсь подойти к зеркалу.

Открываю глаза в надежде, что наконец-то очнулась от кошмара. Но это моя реальность.

На лице – глубокий, рваный шрам, начинающийся у левого виска и спускающийся по щеке, как будто кто-то разрезал кожу тупым ржавым ножом. Местами он вогнутый, как выжженная борозда. Ткани вокруг рубца побелели и натянулись, искажая прежние линии лица.

Нос чуть смещён вправо. В профиль видно, как одна сто-

рона лица стала будто бы тяжелее – плотная, застывшая, с неровной, блестящей кожей. На самой щеке следы сшивания: вблизи отчётливо видно, что кожа там как не родная. Местами она гладкая, розоватая, как после ожога, а пониже – грубые ткани, зажившие криво.

Губа с той же стороны слегка натянута вверх, будто шрам тянет её, даже когда она не двигается. Лицо стало асимметричным, и когда я улыбаюсь, то это похоже больше на усилие, чем на жест.

Это лицо не пугает, но заставляет отвернуться.

Провожу пальцем по шраму. Не верится. Это я?

Дёргаюсь от пикирования телефона. Лёша.

Первая мысль: он передумал.

Поднимаю трубку.

– Ир? Ты меня слышишь? – нервно дышит, переживает.

– Тебе есть, что добавить? – усмехаюсь.

– Ир, прошу, позвони кому-нибудь, подруге или матери.

Расскажи всё, поплачь, встрясись из себя обиду. Только я не хочу, чтобы ты из-за меня на себя вдруг руки наложила.

– Ты что несёшь? – его слова пробили дно, – ты думаешь, я выжила год назад благодаря чуду, чтобы из-за тебя со своей жизнью счёты сводить? Не дождёшься!

– Я не это имел в виду, Ирина. Я беспокоюсь. Тебе нужна помощь.

– Ага, понятно, – доходит до меня. – Это не забота. Это

страховка. Чтоб потом не виноватым быть, да? На всякий случай?

– С тобой невозможно разговаривать. Давай, успокаивайся... Дам тебе пару дней на отторжение и принятие. Пока буду готовить документы.

– Документы? Какие ещё документы? – продолжаю смотреть на уродство в отражении.

– Вот не надо. Не заставляй меня говорить это. Ты сама всё прекрасно понимаешь.

– Ты так уверен в ней?

– Не начинай, Ир. Ты всё переворачиваешь. Я же сказал, дело не в ней... просто она помогла мне кое-что осознать.

– О, то есть если бы не её «помощь», ты бы до сих пор сидел и «размышлял»?

– Я просто не хотел делать выбор в пустоту. Но теперь всё ясно.

– Ага, – сбрасываю его баночки в раковину со стуком. – То есть ты нашёл замену заранее, чтобы не рисковать. Как бизнес-план?

– Не в этом суть, – он резко обрывает, но пауза перед ответом длиннее, чем нужно. – Не выдумывай.

– Да-да, дело во мне, – повторяю я его песню, – это я уже поняла. Козёл! – сбрасываю звонок.

Я уверена, он боялся уйти от меня раньше. Боялся, что никого не найдёт, что никому уже не будет нужен его дряблый зад. Ан-нет, Лилечке-то всё понравилось, и проблёски-

вающая залысина его, и отдышка после трёх минут в миссионерской... Её всё устраивает.

Может и правда позвонить подруге? Выговориться – легче станет... Но поздно уже, одиннадцатый час.

Решаюсь позвонить.

– Алло? – сонно и шёпотом, – Ира? Ты что так поздно звонишь? Что-то случилось?

– Да, – услышав её голос, весь стресс мигом начал выходить наружу, слёзы брызнули из глаз. – Я... Он...

– Ир? Ты плачешь? – уже бодрее.

– Тань, он ушёл от меня.

– Не понимаю? Кто ушёл? – взволнованно, медленно переваривая мои всхлипы.

– Лёша. Лёша бросил меня.

Молчание.

– Алло? Тань? Ты слышишь?

– Эм... Да. Я... просто... Что? Как бросил? Вы же столько лет вместе, не разлей вода. Что на него нашло? Тем более сейчас, в такой сложный для тебя период? – слышу, как она собирается.

– Тебе на работу завтра? Я, наверное, зря позвонила? – плачу я в трубку, шмыгая носом, – ты ложись, отдыхай, мы можем и потом поговорить...

– Нет, Ир, я уже выхожу из дома, сейчас приеду к тебе.

Через 20 минут она стояла на пороге и крепко сжимала меня в своих объятиях.

– Давай я тебе ромашку заварю, – проходит на кухню, – садись, рассказывай.

– Кажется, – начинаю я, сморкаясь в бумажное полотенце, – недавно мы грезили о детях, он приносил мне завтрак в постель и обнимал сзади, когда я готовила ужин. Даже звал на посиделки с друзьями, с его коллегами. А после той аварии всё изменилось, ему стало стыдно находиться со мной в общественном месте и уж тем более знакомить с кем-то.

– Подожди-подожди. Не так быстро. Мне казалось, хоть у вас и был кризис после того случая, ваши отношения стали крепче. После всего, что вы оба пережили... Разве не так?

– Таня-я-я, я тоже так считала! Неужели всё, что было между нами за этот год, было из жалости? Он, конечно, немного изменился по отношению ко мне, мы стали меньше проводить времени в постели и вообще... Но я думала, он привыкает к моему новому облику, да и посмотри на меня, ну не такая ведь я страшная? Ведь видны же черты лица, просто шрам, да? – ищу успокоения в её словах, даже если ложь.

– Конечно, Ир. Лично я вижу в тебе всю ту же самую Ирку. Ничего не изменилось. Вот скотина какой! Теперь невесть что из-за него будешь о себе думать.

– А дети? Тань? А дети? Я так и не испытала счастья материнства. Мы постоянно откладывали. А теперь, теперь поздно...

– И почему это вы откладывали? Он не хотел детей?

– Нет, его просто заботила моя талия, упругая попа, красивая стоячая грудь. Твердил мне: «всё обвиснет», «потолстеешь», «ты что, хочешь лордоз? диастаз? растяжки?», «волосы выпадут, зубы».

– Такое говорил? Вот осёл! И ты что, поддакивала ему? – с психом пихает ромашку в керамический заварник. – Есть вещи и поважнее, чем «лишние килограммы».

– Ну, знаешь, я была молодая, наивная. Его давление и слова так меня пугали, что я постоянно откладывала беременность.

– Так он манипулятор! Я бы своему мужу за такие слова про беременность все зубы повыбивала!

– Да дура я была, дура. Влюблённая дура. И что из этого вышло? Что я теперь «старородящая», как говорят?

– Кто говорит?

– Гинекологи.

– Мало ли что они заливают. Женщины и после 50-ти умудряются родить. У нас не средневековье, врачи своё дело делают. Хоть в 70 рожай, – утрирует она.

– Сейчас мне уже нечего терять. Моё тело уже не так идеально, как в молодости. Другое дело, когда рядом бежит частичка твоей души, твоя маленькая дочка или сыночек...

– Родишь, не переживай. Вот я второго в 38 родила, вылетел как пробка из шампанского. А тебе сколько? Ну старше меня на 5 копеек. И что?

– Так, Тань, – чем больше она меня успокаивает, тем силь-

нее я реву, – ладно, допустим, наплевать на возраст, вопрос только кто меня полюбит-то такую??!

– Какую? Какую такую? – злится Таня.

– Уродливую!!! – не выдерживаю, закрывая лицо руками.

– А ну-ка брось!

– В-все в п-первую очередь с-смотрят на в-в-внешность, – всхлипываю, – т-только потом лезут в ду-ду- душу. Да и я так долго была только с одним мужчиной! Совсем не принимаю дру- других... Я йе -его л-люблю...

– Во-первых, прекращай свои слёзы насчёт внешности, ты выглядишь прекрасно. Да, шрам, но это твоя история. История сильной женщины! Не поверишь скольких мужчин привлекают такие как ты. Да и, к твоему сведению, существуют пластические операции. Они твою боевую раскраску в два счёта уберут!

– Я узнавала. Не все хотят за это браться, а кто и взялся бы, так такую сумму гнут, мне столько лет пахать надо, чтобы на это заработать...

– Я помогу тебе.

– Я с тебя денег не возьму, Тань... Да и не расплачусь потом.

– Что-нибудь придумаем.

– Может есть у тебя совет? Как вернуть мужа?

– Это не ко мне, Ир. Если бы мой так со мной, а потом вернуться захотел – я бы его метлой погнала.

– Я не знаю, как мне жить без него. Я не хочу быть разве-

дёнкой... – кручу на безымянном пальце кольцо.

– Не разведёнкой, а свободной женщиной, – поправляет меня, ставя две чашки травяного чая на стол.

Вдруг мы слышим шум разбивающегося стакана. Доносится откуда-то из спальни.

– Это что? – хватается за сердце Таня.

– Да это Лаврентий... Пойду проверю, что на этот раз натворил.

Залетаю в комнату, ища глазами место преступления. Рыжий бес довольно раскинулся на столе, виляя только кончиком хвоста.

На полу разлита вода и валяются осколки от моей любимой кружки. Рядом книга Лёши «Секреты ловли карпа», вставшая домиком. Видимо, хотел взять и забыл. Но зачем? Он такое никогда не читал.

Поднимаю, машинально стряхивая капли воды с обложки.

Из середины книги торчит закладка, тоже мокрая. Вытаскиваю её и вижу, что это не закладка вовсе – это распечатка билетов в... Париж. На двоих.

Только вот во втором билете стоит не моё имя.

Глава 2 – Тишина перед разломом

Дышу часто-часто, но воздуха не хватает.

Живот сводит судорогой, как перед рвотой. Хочу кричать – но горло сжато.

Я сжимаю бумагу – не порвать, не выкинуть, просто держу, будто в ней вся тяжесть, которая сейчас навалилась.

– Вот же ж рыжее мракобесие, – с любовью называю так своего кота, поглаживая по макушке. – Ты-то откуда знал?

Внимательно изучаю второй билет, вдруг померещилось? Нет...

Написано на латинице – пассажир: Лилия Зюзюева. Или Зузуева? Не уверена, как её величество читается! Вылет через две недели, обратно только в конце следующего месяца...

Вдруг начинаю истерически смеяться.

Прибегает Таня.

– Что здесь стряслось? Ты чего смеёшься?

– А говорил, – начинаю я кричать и хохотать одновременно, размахивая билетами перед её лицом, – говорил, что денег у него нету! Что за ипотеку надо платить! Посмотрите только!

– Что это?

Отдаю ей, она читает.

– Мы с ним на кашах, бывает, сидели, на туалетной бумаге

экономии, а оказывается вот почему! Он все деньги решил на эту Зюзю потратить!

– Вот гад... Слов нет, Ир. Гад и только!

– Мне так больно, Тань. Что делать с этим чувством? Хочется вырвать его у себя из груди, но я не могу, – колочу себя по груди, но Таня останавливает меня.

– Ир, я тебе говорю, он ещё приползёт к тебе обратно на коленях. Думаешь, нужен он этой Зюзе? Поиграется да бросит...

– Что с билетами делать? Порвать?

– Билеты – фигня, их восстановить можно. Паспорт он случайно не забыл?

– Сейчас посмотрю, – залезаю в шкафчик, – хм, нет... он всё забрал. А, постой! Вот его загранник! В углу завалился.

– Рви.

– Тань? Может не надо?

– Он тебе врал? Врал? Изменял? Изменял. Если бы он по-человечески ещё себя вёл... Рви-рви.

– Ну, я не знаю... Это ведь... ну, документ. Официальный. Настоящий. Не распечатка из принтера.

– Ир, ты сейчас серьёзно жалеешь его? После всего?

Я молчу. Смотрю на обложку – потёртую, знакомую. Смешно, я же сама ему фотографию на визу делала.

Пока я раздумываю, Таня убегает на кухню и прибегает обратно с широким блюдцем и спичками.

– Или лучше подожжём?

– Вонять будет...

– Тогда идём на балкон. Расплавим его нафиг! – подталкивает меня к окну.

В итоге мы сначала разрезали паспорт на кусочки, потом подожгли. Он долго тлел, плавился, мы поджигали ещё раз и ещё. То, что не догорело, мы смыли в унитаз. Итого: нет улик, нет правонарушения.

– Всё, – выдыхаю. – Готово.

Таня улыбается.

– Молодец. Теперь чай? Или виски?

– Всё вместе... – вытираю глаза и смеюсь сквозь слёзы. – Сначала виски. Потом чай. И только потом – жизнь дальше.

Лавруша прыгает мне на колени, пока я смахиваю одно объявление за другим в поиске подходящей работы.

– Эх, Лаврик, только тебе одному наплевать, как я выгляжу и что у меня на лице, – тереблю его мордашку.

Ещё полтора года назад я работала телеведущей на муниципальном канале. Меня всё устраивало, денег хватало, даже кто-то на улице узнавал. Через какое-то время у меня были настолько высокие показатели, что мне предложили работу в Москве. Я тогда плясала от счастья. Федеральный канал, популярность, возможности! И наконец переезд в столицу.

Буквально за день до важной встречи, до решающего мо-

мента в моей карьере, муж решил, что я вся на нервах. Мол, «поехали на Исеть, там тихо, пройдемся, подышим».

Я сначала отказалась, но он всегда знал, как давить правильно. Не приказом, а заботой.

В этот же вечер на пути домой всё и случилось.

Он пошёл на обгон по мокрой дороге, отвлекшись на телефон, и не заметил встречную машину. Пытаясь резко вернуться на свою полосу, он затормозил, машину занесло и развернуло поперёк дороги. В этот момент в нас влетел другой автомобиль, удар пришёлся прямо с моей стороны. Я чудом выжила.

После случившегося, когда я вернулась на работу, с таким лицом меня просто развернули. Пообещали, что «всё решим», что «главное – ты жива», но на этом моей карьере пришёл конец.

«У кого-то и хуже бывает» – типичное обесценивание проблем человека, с чем я и столкнулась за время лечения.

Прошло 5 дней с тех пор, как я живу одна. От Лёши – ни звонка, ни сообщения.

И вдруг слышу шаги в прихожей.

Явился. В седьмом часу.

Я беру кота на руки и подхожу к нему, ожидая хоть какой-нибудь реакции. Но он попросту меня игнорирует, будто ему начисто промыли мозги, будто мы чужие.

Развязывает шнурки, ставит обувь ровно, как всегда. Я молчу, не хочу закатывать скандал, не хочу его пугать, ру-

гать, клевать мозги. Вдруг упусти свой последний шанс на счастье? Вдруг он посмотрит на меня, увидит ту самую, его любимую Ирку, проронит слезу и скажет: «прости, моя милая, бес попутал, негодяй!»

В прихожей лежит брошюра: «Семейный психолог. Консультации по кризисам в браке». Я оставила её нарочно. Он посмотрел, фыркнул едва заметно, и сразу ушёл в душ.

Немного постояв в тихом шоке, я возвращаюсь на кухню и слышу, как он смеётся в ванной. Тихо. Говорит с кем-то по телефону. У него теперь этот «новый смех» – не мой, не наш. Лёгкий. Чужой.

Когда он вышел, я не выдержала и подбежала к нему. С него стекала вода, а на бёдрах болталось полотенце.

– Лёш, поговори со мной, прошу.

– Дай мне переодеться, – идёт в комнату, не глядя мне в глаза. – Тебе бы тоже не помешало. Постоянно это отрепье носишь.

– Ты про халат? – судорожно перебираю подол.

– Ну, а про что ещё?

– Так ты же мне его подарил.

– Я?

– Не помнишь?

– Лет десять назад? Конечно, не помню. Возможно, раньше тебе шло. Но сейчас...

– К чему ты это говоришь? И зачем?

– Не знаю. Помочь?

– Чем это? – горло парализует от страха, я не знаю к чему он ведёт.

– Помочь уже избавиться от старого, от прошлого и шагнуть в неизвестное, – холодно, спокойно говорит он, а я вспоминаю, как он стягивал с меня этот халат, нежно целовал и тянул за собой, в «неизвестное».

– Лёш, я знаю, ты не хочешь обсуждать наш прошлый разговор. Может, даже жалеешь, что вообще его начал. Но нам надо серьёзно поговорить и разобраться в чувствах.

– Понимаю, Ир. Вот только два слова здесь неуместны. «Жалеешь» и «чувствах». Всё, что я говорил, я имел в виду, а именно, что развод неизбежен. А чувства, ну... зачем говорить о том, чего не существует?

– Не могу поверить твоим словам. С каких пор ты стал таким чопорным? Я тебя не узнаю...

– Это хорошо. Значит, тебе будет легче меня отпустить.

– Я... Я люблю тебя, Лёш... Прошу, пожалуйста, не уходи от меня... – готовая упасть на колени и пускать слюни, но он встряхивает меня за плечи.

– Ира. Ира! Очнись! Всё кончено! Я тебя уже не... Ты уже... Ах, чёрт, почему это так сложно сказать? Я ценю тебя, Ир, правда. И у нас с тобой был счастливый брак, да. Но ты меня больше не привлекаешь. Я мужик, мы возбуждаемся глазами... и да, я понимаю, я виноват, Ир, в каком-то смысле виноват. Но как ты представляешь нашу жизнь? Я хочу уйти, но не могу из жалости к тебе? Из-за долбаного чув-

ства вины? Если бы я разошёлся с тобой до аварии, это был бы «верный» период для развода? А сейчас, получается, уже любой твой период сделает меня «уродом» и «предателем». Ты не понимаешь?

Услышав это, я окончательно поплыла. Я смотрела ему в глаза и не видела своего отражения, я видела её... разлучницу. Красивее, моложе, а главное, без единого изъяна. Блондинка? Брюнетка? Неважно. Умная? Глупая? Не имеет значения. Главное, у неё и попа более упругая, и мышцы подтянутые, и на лице ни морщинки.

– Что молчишь? Скажи, понимаешь или нет?.. Ира? Ты ведь это хотела обсудить?

– Мне больше нечего тебе сказать, – отворачиваюсь. – В постель я с тобой не лягу, постелешь на диване.

– Хорошо. Пока не найдёшь себе новую квартиру, буду спать на диване.

– Что прости?

– Готовь чемоданы, Ирина.

Глава 3 – Планы

Сквозь шторы пробивается яркий луч света.

Я приоткрываю правый глаз. У окна, на балконе сидят два голубя и громко воркуют. Отворачиваюсь.

Улавливаю запах сгоревшего омлета и, кажется, какао. Время почти десять.

Я продолжаю лежать, закопавшись в одеяло, будто это спасёт меня от ледяного взгляда разгуливающего по квартире мужа.

Вдруг вижу, как он медленно открывает дверь и заходит в спальню. Притворяюсь спящей, а в венах бурлит кровь. Слышу шорохи и скрип дверцы шкафчика.

Копошение. Всё громче и громче, с пыхтением – «ну, где же?», «чёрт бы его побрал».

И я поняла, что он ищет.

Сердце заколотилось ещё сильнее. Щёки покраснели, кажется, если бы он сейчас спросил меня, то поймал бы с личным. Но тут...

Толчки.

– Ира. И-ира. Спишь?

– Мм-м? – недовольно протягиваю, закрывая одеялом лицо.

– Очень важно. Ты мой паспорт видела?

– Какой ещё паа-аа-аспорт? – зеваю, чтобы скрыть волне-

ние в голосе, вру я плохо.

– Заграничный. Он должен быть с остальными документами. Но там его нет, – теряет терпение.

– А куда ты собрался, что тебе загранник нужен, а? – потихоньку встаю, лицом к окну.

– Да... Это... – он замялся, затем рассыпал вокруг себя кипу каких-то бумаг. – Ну, рабочая поездка. В Баку. Или... может, в Ереван. Пока точно не сказали.

– Слушай... – начала я негромко, наполняясь сарказмом. – А это с какой такой работы тебя внезапно в командировки отправлять стали, а?

Он замер. Спиной ко мне. На пару секунд.

– Ну... – он обернулся, готовя горячую лапшу для моих ушей. – У нас новая программа, расширение партнёрства... типа международное сотрудничество.

Я тихо хмыкнула.

– У вас, это у кого? У монтажников лифтов? У вас, у мужланов, которые полгода пьют между заказами? Ты за шесть лет один раз в соседний город выезжал, и то с бодуна. Какая тебе командировка в Ереван?

Он сжал челюсть. Плечи напряглись.

– Ты перебарщиваешь, – процедил он, – меня уже повысили. И вообще... Это другое. Сейчас всё иначе. Я... не обязан тебе всё объяснять.

– Ага, не обязан, – кивнула я. – Тогда и паспорт искать не обязан. Может, он улетел уже. В Париж. Вместе с твоей

новой, – не знаю, что меня сдуру за язык потянуло, но я тысячу раз пожалела.

Он на меня так посмотрел, будто сейчас ударит.

В первый раз я видела его настолько разъярённым, страх пробрал до пяток. Молча, он нашёл глазами ту самую книгу и судорожно начал перелистывать страницы. Найдя билеты, немного помятые, с поплывшими чернилами из-за воды, уставился на меня.

– Как ты посмела?! – начал он орать, швыряя книгу об стену. – Куда спрятала мой паспорт?! Быстро сказала!

– Я не знаю, где твой паспорт.

«Может, уже крысы в канализации дожевали» – думаю я.

– ... и не кричи на меня! Я тебе не подружка и не любовница, я всё ещё твоя жена!

Он делает пару глубоких вдохов и берёт себя в руки.

– Так, ты права. Ты всё ещё моя жена и я не имею права на тебя кричать... – делает пару глубоких вдохов.

– Спокойно.

– Я спокоен! Фух.... Я... я спокоен. Просто скажи мне, хорошо? Куда ты дела мой паспорт?

Закатив глаза, я сказала ему, что первое пришло в голову, мол, выкинула его в ближайшую помойку. Следующие два часа он провёл сидя в мусорных баках и ковыряясь в вонючих мешках. За это время я успела собрать свои вещи и уехать к Тане, забрав Лаврентия.

– Ир, ты чего так рано? Я только на рынок собралась, –

стоит она в прихожей с пустыми кулками.

– Ну, я у тебя вещи оставлю и пойдём вместе, – закатываю чемодан и открываю клетку Лаврентия.

– Тебя твой уже выпер? – удивляется она.

– Нет. Пока нет... Сама ушла. Он про паспорт узнал.

– Ааа... Тогда располагайся. Поживёшь, пока всё не уладится. Постелю на диване. Как узнал-то?

– Да сама ляпнула, не выдержала. Да и чему тут ладиться? Придётся квартиру искать. И работу.

Выбегает из детской Яна, дочка Тани.

– Ура-а! Лаврик! – тискает его за мордочку, он отбивается лапой.

– Янчик, не лезь к коту, расцарапает рожицу, на всю жизнь запомнишь.

– И буду такая, как тётя Ира? – спрашивает она искренне, по-детски, и показывает пальцем на мой шрам.

– Ян, ты что такое говоришь-то? А ну-ка брысь в свою... – только начинает заводиться Таня, как я осекаю её.

– Тшш, пусть... Ну, видит ребёнок, как есть, что скажешь тут? Не ругать же.

– Не маленькая уже, знать надо, о чём прилично говорить, а о чём нет, – строго оглянув её, она показала рукой на комнату, та побежала со слезами на глазах.

– Ну зачем ты так, Тань? Она же ребёнок, – расстраиваюсь я и в то же время на душе горько, ведь если на меня и показывают пальцем, то теперь только по этому поводу.

– Ниче с ней не сделается, пойдём, – открывает дверь, – откачаю тебя настойками. Но для начала надо их купить. Ар-тё-ё-ём! – кричит своему мужу, – за детьми хотя бы одним глазом смотри-и!

Стоим молча, ожидая ответ.

Молчок.

– Ладно, пойдём, разберутся.

У Тани прекрасный муж, но он очень устаёт на работе. Дома в основном отсыпается и чинит всякую всячину, ковыряется в гараже, периодически отпрашивается у неё на рыбалку с мужиками да в баню. В общем делает всё то, что обычный работяга в свободное от каторги время. Семья у них крепкая, друг за друга всех порвут. Дети уже ходят в школу, Яне 8 лет, а Серёже уже 11. Сама Таня работает удалённо, продаёт свои курсы по химии и учит детей онлайн.

– Ты и правда не против, что я у тебя останусь? Это же на неопределённый срок...

– Я подругу в беде не оставляю. Но обещаю, что ты не дашь этому козлу отжать у тебя квартиру.

– Да если так подумать, то он и правда платил большую часть за неё...

– Хоть всю, Ир. Это совместно нажитое. Любой пук, любой рыг, всё будете делить пополам, – с серьёзным видом переходит дорогу. – Он уже тебе назначил время у нотариуса?

– Хотел на следующей неделе, до «ко-ман-ди-ров-ки» со своей цаплей.

– Думаю, он уже сообразил, что никакой поездки ему не светит, – от души ржёт над ним.

– Он меня прибьёт, точно... Шугаться теперь буду от него.

– Будем надеяться, что билеты невозвратные были. Кстати, я тут прикинула... У тебя же второе образование психолога?

– Ну... да, – неуверенно произнесла я.

– Так почему бы тебе не пойти работать в эту сферу? Это сейчас популярно.

– В этом вся и проблема. Настолько популярно, что каждый второй – психолог. Никто и не пойдёт к ноунейму.

– Ты права, в интернетах каждый второй, а вот в реальной жизни очень мало хороших. Ты не бракуй эту тему сразу, обдумай. Куда ты ещё пойдёшь с таким... – прикусывает язык, – с таким опытом, я имею в виду. Не пойдёшь же ты с такой горой знаний за плечами продавщицей в каком-нибудь прилавке работать? Не в обиду продавщицам, конечно, тьфу-тьфу, они нужны, а то их заменяют уже на какие-то дурацкие кассы самообслуживания. Кто потом будет работать? Роботы? Вот у кого-у кого, а у психолога машина никогда работу не заберёт. Они не люди, чтоб нас понимать и анализировать. Так, ладно, к чему это я...

Я вздыхаю, будто это помогает мне набраться сил.

– Хорошо, попробую. Но сначала пойду на повышение квалификации. Хоть вспомню что про что. Не хочу страдать синдромом самозванца.

Вибрирует телефон в кармане.

– Ой... Это Лёша! Что же сказать ему?

– Скажи шоб шёл на...

– Тань! Я серьёзно!

– Игнорь. Сбрось вызов.

– Не могу я так. А вдруг что случилось? Помощь нужна?

– Ой-й, Ирка... Что б тебя такую... – замялась она, – ...любили долго!

– Алло? – машинально зажмуриваю глаза, будто защищаюсь.

– Ты где?

– Я у... – Таня отрицательно машет головой. – Я к матери поехала.

– В деревню, что ли? Сейчас? Нормальная? Сбегаешь, значит? И паспорт, наверное, мой прибрала? Ты не расслабляйся там, я и в полицию позвоню, скажу, что собственная жена паспорт украла! А это, между прочим, преступление!

– Что ты такое несёшь? Ничего я не крала!

– Откуда ты знаешь про Францию? Говори!

– Я нашла билеты в книге, случайно, – губы трясутся от лжи, – но паспорта там не было!

– Как не было? Испарился вот так?! – орёт он в гнев. – Я на эту поездку несколько месяцев копил!

– Ты серьёзно мне это сейчас говоришь? То есть я из-за тебя последние недели хлеб жрала с морозилки, подтиралась ссоровской бумагой, копейки считала, чтобы тебя родного

с любовницей в Париж отправить? Окстись! Как ты только мог?!

– Ты вообще слышишь себя?! – его голос становится резким, но уже без прежней уверенности. – Какая любовница? Тебе крышу снесло?

– Ой, да ладно тебе! – смешок вырывается сам собой, горький и нервный. – Билеты на двоих, отель на двоих... Ты думал, я в дурочку записалась?

– Это... Это командировка! – вдруг выпаливает он, но пауза перед словами выдаёт его с головой.

– Командировка? – голос дрожит, но не от страха, а от дикой, клокочущей злости. – В Париж? В шикарный отель? В тот самый, про который я тебе полгода назад говорила, что мечтаю там побывать? Не позорься, просто признайся уже, не будь хотя бы жалким лгуном!

– Ты... Тебе мерещится уже! – в его тоне уже нет прежней агрессии, только слабая попытка защититься.

– Мерещится? Тебе от самого себя противно, вот ты и врёшь! – глубокий вдох, пальцы впиваются в телефон. – Хочешь, я прямо сейчас позвоню твоему начальнику и спрошу, какая у тебя там командировка? Или, может, лучше сразу той стерве, с которой ты летишь? Как ты думаешь, она тоже скажет, что это «работа»?

– Ты не смей... – его голос внезапно стихает, становится опасным.

– Не смей? – смеюсь, но в глазах снова слёзы. – Ты зна-

ешь, что я сейчас сделаю? Я возьму твой паспорт... – специально шуршу чеком с ларька у динамиков, – и порву его. На мелкие-мелкие кусочки. А потом отправлю тебе фото. В качестве сувенира. Перед поездкой.

– Ты... Ты сумасшедшая! – он почти задыхается от ярости.

– Нет, дорогой, – голос вдруг становится ледяным. – Я просто больше не твоя дура.

Глава 4 – Хрущёвская жизнь

На следующей неделе Лёша вызывает меня к нотариусу:

– Пожалуйста, не опаздывай. Ты и так уже дел натворила...

Я понимаю, ревность, отчаяние женское, зависть, но постарайся всё же вести себя достойно.

У меня от этих слов кровь закипает.

– Достойно? – дохожу до шёпота, будто разговариваю сама с собой. – Немыслимо... Да я себе никогда не позволяла выходить за рамки. Теперь даже жалею. А ты? Ты мне твердишь что-то про то, как себя вести?

– Сегодня в 16:15. Адрес скину по СМС, – кидает трубку.

К четырём часам я уже подъехала к зданию.

Выхожу из машины со стороны дороги. Рядом по пешеходному неторопливо идёт мужчина, держа за руку девочку лет четырёх. Её взгляд случайно падает на меня – от страха она запинается, падает и начинает плакать, мужчина быстро поднимает её, отворачивая детское личико в противоположную от меня сторону.

Он осуждающе сплюнул, продолжив ход:

– Ну хоть прикрылись бы! Как пугало всех детей сейчас закошмарите! Совести никакой, на других плевать! – токсично вылетело из него, с паром из ушей, будто я физически ударила его ребёнка.

Я, было, только собралась ответить, но язык будто онемел,

да и этот мужик уже был на другой стороне дороги, а кричать не хотелось.

Да уж. Тактичность покинула чат...

Смирившись со своей судьбой, я послушно направилась к этому денежному мешку по прозвищу Владислав Павлович, наш нотариус. Конечно – работать по таким тарифам только из-за того, что точка в самом центре... Меня, простого человека, жаба душит. Но Лёша давно был его знакомым и поэтому по надобности мы обращались только к нему. Хотя он никогда мне не нравился. Нагловат.

Захожу в кабинет. Они уже, как можно заметить по небрежно разложенным документам, расслабленной позе моего мужа и почти пустой бутылкой швепса, беседуют давно.

– Ну, здрасьте, Ирина Сергевна... Сколько лет, сколько зим! Вижу, не молодеете, – ухмыльнулся он. – Присаживайтесь. Бахилы надели? – привстаёт и со вздёрнутыми бровями рассматривает мои ботинки. – А, вижу... Отлично. А то, мало ли, зараза какая...

Я обращаю внимание на ноги Лёши. Он без бахил.

Попахивает женоненавистничеством.

– Давайте уже покончим с этим, – плюхаюсь на стул, вытягивая паспорт из кармана пальто.

– Мы тут с Вашим мужем... вернее, с вашим будущим бывшим мужем, – смеётся он, – уже всё подготовили. Вам осталось только подписать. Не благодарите.

Его смех напоминал кваканье больной лягушки: хриплое, с противным носовым присвистом.

– Как это всё подготовили? – удивляюсь я. – Без меня?

Владислав Павлович хмыкает и откидывается в кресле, расправляя плечи, словно ему приятно ощущать свою власть в этом душном, прокуренном кабинете.

– Ну... Алексей сказал, что вы согласны. А по сути, что тут обсуждать? Вопрос чисто технический. Вы же не против получить сразу три миллиона, без волокиты? А квартира... как бы... сами понимаете – такие вещи в таких случаях проще решать полюбовно, – его взгляд скользит по мне, как будто я мебель. Старенькая. Невыгодная.

Я перевожу взгляд на Лёшу. Он сидит с идеально ровной осанкой, руки аккуратно сложены на столе. На лице печальное, почти нежное выражение.

– Я просто хочу, чтобы ты не волновалась, – мягко говорит он, чуть склоняя голову. – Мы же оба понимаем, кто тянул эту квартиру. Кто вносил ипотеку, делал доплаты, ремонт. Ты вносила свою часть, я это не отрицаю. Но объективно... ты ведь знаешь, основное на мне.

Я молчу. Он всё говорит правильно. Тон доброжелательный. Слова будто справедливые. Только вкус – гнилой.

– Алексей предлагает тебе три миллиона, – продолжает нотариус. – Это живые деньги, без задержек. А взамен он выкупает твою долю. Машина тебе остаётся, как и обговорено. Подарок, между прочим, не обязаны были даже обсуждать.

Но вот, человек порядочный.

– То есть из 12 миллионов я получаю три? – уточняю, уже почти шепотом.

– Ну, технически ты получаешь часть исходя из моего вклада, – грустно улыбается Алексей. – Ты ведь знаешь, что я не пытаюсь тебя обидеть. Я просто хочу... завершить всё цивилизованно. Без суда, без грязи.

Мои пальцы сжимаются вокруг паспорта. Он до сих пор говорит так, будто делает мне одолжение. Как будто я – не жена, с которой он делил дом и постель, а какая-то уходящая на пенсию актриса погорелого театра.

– Нет, – я резко встаю и говорю твёрдо, будто уверенная в себе женщина, хотя такой я не чувствую себя уже больше года. – Так не будет. Если хочешь квартиру – выкупай по рыночной стоимости, а не «по справедливости» из своей головы. И готовься – я подаю в суд.

Владислав Павлович кривит губы. Алексей вздыхает и наклоняет голову, как будто ему искренне жаль, что я всё усложняю.

Но именно в этот момент я понимаю: он надеялся, что я подмахну всё, лишь бы уйти красиво.

И я рада, что он ошибся.

Выхожу за дверь и сразу же слышу голоса:

– Ну ты Алё-ё-ёша... Ты же говорил она не откажет, почву не подготовил?

– Ой, да чё там... От почвы уже ничего не осталось...

Я стою на тротуаре, и на щеках щиплет ветер. Или слёзы. Не разобрать.

Раньше бы я ушла домой. Согнулась, подумала: ну и пусть, лишь бы всё закончилось. Но теперь... теперь во мне будто что-то встало с колен. Что-то стукнуло в голову после его слов. Я поняла, что потеряла его, собственного мужа, которого больше не знаю.

Я захожу в кафе на углу, заказываю кофе, и, пока он остывает, ищу в телефоне: «Юрист по семейным делам. Раздел имущества. Без соглашения».

На следующий день я сижу в кабинете у адвоката – молодой девушки, но с глазами, в которых не просят пощады.

Я рассказываю ей всё. Про квартиру. Про «справедливость» Алексея. Про то, как он щедро «оставил мне машину».

И про то, как он даже не спросил меня, согласна ли я подписывать.

Она слушает внимательно. Записывает. И кивает:
– Мы будем подавать иск. У вас брак, 16 лет. Квартира совместно нажитая. Сумма большая, будем добиваться половины. Он может выкупить вашу часть, но по оценке рынка, а не из головы. Готовы?

Я готова. Не к войне, к справедливости.

Я не мстительная.

Но я больше не мямля.

Алексей

Поднимаюсь на второй этаж, стучусь. Дверь распахивается мгновенно – передо мной как из-под земли вырастает запыхавшаяся Лиля в угрожающей позе и с поднятой блинной сковородкой в правой руке, щёки красные, как у матрёшки. Фартук в пятнах от муки.

– А, это ты... – стирает пот со лба. – Тут один мелкий говнюк бегал, всем подряд в двери звонил, ох я бы ему залепила этой чугункой!

Прохожу внутрь, снимаю куртку. В квартире пахнет духами и чем-то жареным.

Она не любит готовить, но старается для меня.

Либо у неё чересчур хорошее настроение, ведь через пару дней мы летим в Париж. Вернее, она так думает. Я всё ещё ей не сказал, что не смог найти свой загранник. Ирку примешивать не хочу, не дай бог что с ней сделает, баба ой боевая... хотя выглядит как невинная куколка. Немного полненькая, но молодая и привлекательная, на 12 лет младше меня. Губки пухленькие, сзади есть за что ухватиться. А главное – личико. Без царапин, без шрамов, только родинка у брови.

Заключительная характеристика: крашеная блондинка с неполным высшим образованием.

– Что на ужин? – направляюсь на кухню.

– Ещё рано для ужина, слюни-то попридержи. Лучше ска-

жи, как прошло?

– Как-как, лучше, чем я ожидал, – сажусь за небольшой стол в углу у холодильника.

– Она согласилась? – хлопнула в ладоши Лиля.

– Нет, наоборот. Не прибила меня за такое предложение.

– Вот стерва...

– Лиля!

– Да что? Лиля-Лиля! Надоело мне жить в съёмной хрущёвке! А ты обещал...

– Во-первых, не называй её так. Во-вторых, это тебе не булки печь. Развод – дело серьёзное и нервное. И вообще она имеет полное право на эту квартиру.

– Алексей, мы так не договаривались, – зашвыривает тарелку с вчерашней картошкой в микроволновку. – Ты говорил, мол, оформляете всё, ты её прижимаешь и опачки! Ха-та! Ей-то зачем такая большая? Тут в пригороде Екэбэ на три миллика можно купить неплохую однушку. Тем более, у неё детей нет. Да и никогда не будет, уж что гадать.

– Лиль, я не могу вот так вот поступить. Мы 16 лет в браке. И вместе брали квартиру. Да, я платил больше, но это не значит, что я могу выкинуть её на улицу...

– Ты не выкидываешь, ты выкупаешь. Ты ей и машину оставил, не забыл? Иди поговори с ней, пока дело до суда не дошло!

Слова Лили – острые. Но ведь логичные? Я правда тянул всё, особенно когда Иру уволили.

Лиля садится напротив. Наклоняется ближе:

– Мне просто нужно знать, когда мы сможем быть как нормальная пара? Своё жильё. Без бывших и без «шрамов» прошлого, – морщит нос, – только ты и я. Ты ведь хочешь этого?

Я киваю. Не потому, что уверен. А потому, что устал сомневаться.

– Вот и славно. Тем более нас ждёт незабываемое путешествие в самый романтический город на свете!

Она имеет в виду город бомжей и уличных карманников? Я согласился туда поехать только ради её эмоций. Такого позитива в глазах женщины я давно не видел, как и сверкающих от счастья глаз...

Но что тут кота за хвост тянуть? Очевидно, план накрылся медным тазом. Я дожидаюсь своей картошки и принимаюсь есть.

– Кстати, – сквозь набитый рот, – впхриж мы нхе йетим...

– Чехооо? Дожуй, потом трынди.

– Я грю, – прокашливаюсь и вытираю рот салфеткой, – что... эм... Париж отменяется.

– Не поняла... Что ты несёшь?

– Паспорт я потерял, – беру вилку и как ни в чём не бывало выковыриваю сгоревший лук.

Сначала она молча посмотрела на меня, забыв даже поморгать. Затем её перекосившееся лицо побагровело, а кисти сжались в кулаки. Она встала и с яростью сбросила с себя фартук на пол.

Далее... могу только догадываться, сколько соседей слышали её визгливые крики сквозь тонкие панельные стены старой хрущёвки.

Глава 5 – Взглянуть боли в глаза

Лежу с закрытыми глазами. Вошкаюсь. На твёрдом диване не очень удобно.

Спать в одном доме с мужем больше не могу. Не могу даже в глаза ему смотреть. Мне кажется, он меня ненавидит. От этого горько. Сердцу больно так, будто физически ломают на части прямо изнутри.

Вдруг запрыгивает Лаврентий и проводит своим пушистым хвостом прямо по моему носу. Я чихаю два раза, затыкая нос, чтобы никого не разбудить.

– Пойдём, покормлю, – вяло встаю, опираясь костяшками пальцев на диван. – Ой-ой, важный какой, – наблюдаю, как он горделиво направляется на кухню с приподнятой головой и хвостиком вверх.

Захожу на кухню. На стуле уже сидит Яна и согнувшись поедает сладкую булочку с чаем, глаза – в планшет.

– Ян, ты чего? Так сидеть нельзя, давай-ка выпрямись...

Она послушно выпрямляет спину, не отрываясь от экрана. Я замечаю, как у неё текут сопли, затем она начинает чихать, аж несколько раз подряд.

– Заболела? – смотрю на неё с родительским беспокойством.

На кухню уже забрёл проснувшийся от шорохов Артём.

– Нет, – говорит он, – у неё просто аллергия на твоего кота.

– Аллергия? Не может быть... Ведь ещё пару дней назад всё было нормально.

– Ну так оно не сразу проявляется, – заваривает себе порошок кофе. – Ир, тебе бы побыстрее место найти, где жить будешь. Я не против, ты не подумай, – его голос без единой эмоции, – но долго дети не протянут так. Да и на антигистаминных не найс сидеть, понимаешь? У Янки от них голова кружится.

– Артём, я не знала, прости... – чувствую себя виноватой. – Как только, так сразу съеду, обещаю.

– У Таньки и без тебя проблем много, хоть ты о них и не в курсе. Она святой человек – вешать на тебя лишнего боится, а сама стрессует. Ты уж полегче с ней. Лишний раз не грузи её, – наливает себе кофе в термос, достаёт контейнер с едой, приготовленный Таней ещё вчера, и уходит в прихожую обуваться.

У меня ком в горле образовался. Так значит я и тут обуза? Такого я себе позволить не могу... надо возвращаться. Может, Лёша у своей Зюзи, и я смогу спокойно пожить там одна до предварительного заседания. А оно через 15 дней.

Вчера, в понедельник, я наконец сходила в центр занятости, узнать, могут ли они мне предложить профпереподготовку для психологов. Но, как выяснилось, ожидание примерно до трёх месяцев. А время ожидания мне сейчас доро-

же, чем платные курсы в университете. Я уже забронировала за собой место, осталось только оплатить. Придётся взять последние копейки со сберегательного счёта.

Янка доела и пошла собираться в школу, самостоятельный ребёнок, не надо следить ни за учебниками, ни за д/з, умница-отличница растёт...

Вдруг вибрирует телефон.

Сообщение в приложении для знакомств.

«Неужели я участвую в этом?!» – эхо в моей голове реагирует на начавшийся диалог с пока ещё незнакомым мужчиной. – «От этих приложений одни неприятности».

Ну, а вдруг?

Единственное... Я выложила свои старые фото в профиль. Красивые... Я тогда ещё была без лишних кило и без клейма аварии на лице. Пришлось выбирать только те, где не видно обручального кольца. А как иначе? Ведь если я такую себя выставлю, никто не «свайпнет» меня.

Евгений, 48 лет, из Челябинска, пишет:

«Добрый день! Вы сразу меня заинтересовали – давайте познакомимся по ближе?»

Бум, ещё одно сообщение прилетает. Никита, 39 лет, Екатеринбург: «Вижу по глазам, тебе не нравится тягомотина. Предлагаю сразу к делу, поужинаем?»

По фото мне больше понравился Никита, да и орфография у него не хромает. Как вообще там общаться, в этом приложении? Нужны прелюдии или сразу назначают встре-

чу? Я вообще в этом не разбираюсь...

Отвечаю: «Хорошо. Есть отличный японский ресторан на Гвардейской. Как насчёт завтра вечером?»

Никита: «Давай лучше ко мне? Я куплю продукты, ты приготовишь. Потом посмотрим фильм...»

Я, слегка недоумевающая: «Тогда может лучше в кино?»

Никита: «Кино? Ну мы же не дети по кинотеатрам мотаться, милая. Тем более, у меня есть попкорн и ооочень удобная кровать. Скидывай адрес, завтра заеду за тобой».

Жаль. А казалось, приличный мужчина.

Отвечаю Евгению: «И вам добрый! Давайте. Только у меня правило – первая встреча исключительно на публике. Если вы действительно настроены на знакомство, это не проблема, правда?»

Сразу же печатает...

Евгений: «Ну что вы, это не обсуждается! Я сам вас боюсь, может, вы маньячка?»

Перед глазами отражение в зеркале. Не так уж он и не прав... Стучаю себя по лбу – «Какая же я дура! Так врать человеку неловко!»

Отвечаю с каплей иронии: «Вы бойтесь. Не прогадаете. Всегда надо быть начеку».

Евгений: «Можно на ты?»

Я: «Можешь на ты»

Евгений: «Давай поделимся тремя фактами о себе? Это ускорит процесс знакомства. Я начну с самого не приятного,

но важного. Первый факт – я бывший алкоголик, но четвёртый год во рту сухо, как в пустыне. Второй – был женат четыре раза, от каждого брака по ребёнку, браки распадались изза разных интиресов. И третий – храплю ночью :) Теперь ты :)»

Ошибки, конечно, меня смутили. Но это же не значит, что он плохой человек? Да и четыре брака ничего не доказывают... А храп, ну, это проблема, да. Но существуют же затычки в уши, как минимум.

Из остальных сообщений, а их было штук 15, в основном идиотские пикап линии или вопросы «ну чё, ко мне домой?», а один оказался фут-фетишистом, просил прислать фотографии стопы.

Нет, ну это совсем несерьёзно. От каждого нового сообщения становилось всё более тошно. Я продолжила общаться с Женей и рассказала ему три факта о себе. А именно, про «небольшой» шрам на лице, бездетную жизнь и бракоразводный процесс.

Дальнейший разговор был достаточно интересен для того, чтобы продолжить общение лично.

Он пригласил меня на свидание в пятницу вечером. В рыбный ресторан со средним чеком 3500 на одну мордаху. Я согласилась.

Но только вот ещё не знаю, как я появлюсь там со своим шрамом. Может, он поговорит со мной и увидит меня и мою душу, а не просто внешность?

Откладываю телефон. Нет, слишком быстро... Слишком.

Я привыкла спать с одним и тем же мужчиной долгие годы. Его дыхание, его руки, его смех сквозь сон – всё это было моим воздухом. А теперь...

Я любила Лёшу. Люблю до сих пор. Даже сейчас, когда он целует её – ту, другую, – где-то в глубине я всё ещё жду, что он одумается.

Слёзы не льются красиво, как в кино. Они жгут, как кислота. Я сжимаю кулаки, ногти впиваются в ладони, но боль не заглушает эту пустоту в груди. «Как мне пережить его предательство?» – шепчу я себе под нос, тихо пробираясь в зал, где я спала этой ночью.

И внезапно – страшная мысль, от которой сердце останавливается:

Он больше не видит меня прежнюю.

Ту, которую любил. Ту, ради которой пробирался ночью через весь город, чтобы просто обнять. Теперь я для него – прошлое. Разменянное, выброшенное.

Я сползаю на пол, обхватываю колени и качаюсь, как ребёнок. «Почему?..» – вырывается хрипло. Но ответа нет.

На телефоне снова всплывает уведомление – может, это он?.. Нет. Очередное чужое «ты мне приглянулась» с приложения.

Я убираю телефон и зарываю лицо в подушку. Кричать? Разбить что-нибудь? Нет сил. Только тихие, прерывистые всхлипы, которые душат, как удавка.

«Я ненавижу её...» – лгу сама себе. Потому что на самом деле ненавижу его. И ещё больше – себя, за эту жалкую надежду, что он вернётся.

Но он не вернётся.

И от этого больше всего больно.

Глава 6 – Дипфейк

– Как же так, Ирка? Что у одного извилины засохли, что у другой! Ты как позволила ему уйти? И мне почему раньше не сказала? – слышу прерывистый голос моей матери, связь в деревне плохая. – Щас-же к тебе приеду! Перетру мозги твоему Лёшке!

– Мам, не надо... Всё кончено.

– Не говори чепухи! Эта зюзя как присосалась, так и отсоётся! А ты потерпишь. И не такое мы в наши годы мужьям прощали. За кого тебе щас держаться? Ни веток, ни шалаша!

– Мам, ваши-наши... уже никто за мужиков не держится. Все в феминистки подаются, самореализация, эмансипация...

– Я б те стукнула! Феминистка... Не матерись! Ишь слова выучила новые.

– Мам, дело-то не в любовнице его, а в моём лице, как ты не понимаешь? Он не её, так другую бы нашёл. Кого угодно, лишь бы со мной не в одной постели.

– Это он сам тебе сказал?

– Это очевидно.

– ... – тяжело вздыхает. – От-ж скотина непроглядная. Я думала хороший хлопец, а вот и ховнецо всплыло...

– Ну, ладно уже. Ты главное лишний раз не волнуйся. Я справлюсь...

– Как ж не волноваться-то? Выдумала чё, а... Квартиру не вздумай ему отдать! Гордыню свою спрячь.

– Мне пора. Буду держать в курсе. Давай, мам, – она продолжает читать нотации, – целую!

Кладу трубку.

Сегодня четверг.

Я сижу одна в своей же квартире, то есть... в нашей. Лёши нет. Наверное, боится смотреть мне в глаза после его выходы с долями.

Утром в почтовом ящике я обнаружила письмо от своей тёти. Она живёт в Подмосковье и приглашает меня в гости, с моим мужем. Мы не виделись уже много лет. Тётя Злата всегда присылает мне сладости, в этот раз я получила кучу мармелада в красивой коробочке. На сердце потеплело. Если честно, мне и правда хотелось взять билет в один конец, не думая ни о чём. Повидать Москву...

Вдруг я слышу – по коридору кто-то идёт. Не просто шаги, а звонкие, как будто каблочки цокают. Я вскочила, но не успела выйти из комнаты – в дверном проёме уже стояла блондинка.

Представляется.

И тут до меня доходит – передо мной та самая пресловутая Зюзя.

С ярко-синим маникюром, джинсами в дырку, которые вот-вот разорвутся на её широких бёдрах, жвачкой во рту и дешёвым парфюмом.

– Ой, привет, кисуля. Не ожидала? – она хохотнула, облокотившись на дверной косяк. – Лёшенька мне ключики дал.

Я чуть не выронила телефон.

– Ты... я... – подбираю слова в полнейшем шоке. – Как?.. Он дал тебе ключи от нашей квартиры?

– Ну да. Уже почти не ваша, правда же? – она обвела взглядом комнату. – Уютненько. В стиле «сама клеила обои». Класс.

– Ты пришла, чтобы хамить?

– Нет, я пришла, чтобы решить вопросик. Быстро и без нервов. Значит так, Ирочка: три мильёна. Забирай, радуйся. Машинка тебе остаётся. А мы с Лёшенькой в квартирку. Всё по-честному.

Я сглотнула. Горло сжалось.

– Ты кто вообще такая, чтобы об этом говорить?

– Я та, кто знает про твои маленькие секретки.

Смотрит с лукавой жалостью, как медсестра на пациентку в дурке.

– Какие ещё «секретки»? Выметайся из моего дома!

– Ой-ой. Злость к лицу тебе не идёт. Вообще, мало что идёт, конечно... – Лиля усаживается на подлокотник кресла, закидывая ногу на ногу, будто хозяйка положения. – Ты всё про свою долю. Квартирку пополам, ага? А ты уверена, что в суде тебе хоть что-то достанется?

Я чувствую, как в груди растёт тяжесть. Смотрю на неё молча, руки сжаты.

Она достаёт телефон и, не глядя на меня, начинает что-то искать.

– Смотри сюда.

Она разворачивает экран. На видео – я. Я в пальто. Я иду в вестибюль отеля с каким-то мужчиной, высоким, лысоватым. Мы заходим. Его рука на моей спине. Моя – у него на локте. Я чуть улыбаюсь. Камера не очень чёткая, но видно всё.

– Что это?.. – шепчу, в горле пересохло.

– Не узнаёшь? – Лиля захлопывает видео и поднимает бровь. – Отель на проспекте Вернадского. За пару месяцев до твоей аварии. Ты же тогда Лёше врала, что у мамы ночуешь. А на самом деле...

– Это не я, – перебиваю её. Голос дрожит, но я стараюсь не сорваться. – И я не знаю этого мужчину!

– Знаешь-не знаешь... – фыркает она. – Думаешь, кому-то будет до этого дело? ИИ, милая моя, сейчас твоё лицо хоть к задней части приклеит. А тут всё натурально.

– ИИ? – повторяю за ней вопросительно.

– Искусственный интеллект. Такое вытворяет, ты офигеешь. В умелых руках не отличишь, фейк или ориджинал. Ах, да... Этот мужик, кстати, уже согласился подтвердить в суде, что у вас с ним был роман. А знаешь почему? Потому что он мой кент.

Я чувствую, как меня бросает в холод.

– Так это всё обман?

– Нет, – ржёт она, – ты просто плохо помнишь! Ха-ха! Адвокат уже всё готовит. Будет красиво: ты изменяла, Лёша страдал, детей нет, а теперь ты ещё и с имуществом носишься, как будто тебе что-то полагается.

Я цепляюсь пальцами за край стола.

– Это ложь. Я никогда не...

– А судья поверит. Потому что картинка – есть. Свидетель – есть. И что у нас получается? Изменщица хочет половину квартиры. Не стыдно? Да и ты не думай, что оно одно, видео-то. Можно и сам процесс измены запечатлеть. Лицо – один в один, даже твой противный шрам приделаем. Я и мои хакеры! Ха... Будешь на всю страну опозорена, никто ж разбираться не будет ты али не ты, милая.

– Это подделка! Так же нельзя!

– Ну и докажи. В суде. Найми эксперта, проводи проверку, трать деньги, нервы. А пока – видео будет гулять по просторам интернета, а ты – развратница, которая хочет отобрать квартиру после измены мужу, бедному, несчастному.

– Мой муж знает, чем ты тут занимаешься?

– Уж поверь, он тот, кто это предложил.

– Не поверю!

– А зря. Плохо знаешь своего Лёшеньку, ха-ха...

Она отходит к двери и ухмыляется.

– Так что, зайка, либо берёшь свои три миллика и уходишь восвояси, либо я выкладываю следующую карту. А у меня там вся колода.

Уходит и хлопает дверью.

А я стою и думаю: мне придётся защищаться даже от того, чего я никогда не делала.

Я сижу на краю дивана и ощущаю, как всё внутри уходит вниз, как будто я проваливаюсь сквозь пол, сквозь стены, сквозь себя.

Если суд действительно поверит, что я изменяла... А видео – оно ведь и правда выглядит так, будто это я. Мне же никто не поверит, что я не знаю этого человека. Что, может, это монтаж. Что, может, Лёша... специально...

Нет. Он не способен на это. Или... уже способен?

Лиля сказала – свидетель подтвердит. И он, получается, это всё уже подготовил?

А если мне вообще ничего не достанется?

Если этот шрам – это всё, что у меня осталось после брака?..

Холод по спине. Я не готова остаться ни с чем. Но хуже – остаться с клеймом. «Лгунья, изменщица, а теперь ещё и жадная».

Может, и правда всё это не стоит позора? Не стоит таскаться по судам, смотреть, как Зюзя красуется в коридоре, улыбается своей гадкой улыбочкой, как Лёша отводит взгляд...

Если они покажут это видео не только в суде, а где-нибудь ещё? Если это всё всплывет, и меня будут обсуждать? Тем

более если они сделают видео «пожѣстче», 18 плюс? Никто же не будет разбираться, я это или нет, а мы живѐм во времена дипфейков, которые не отличишь от реальности.

И так уродина со шрамом, теперь ещё и гулящая жена?

...Забрать эти три миллиона и уйти. Смириться. Забыть. Отгородиться. Пусть забирают эту проклятую квартиру – всё равно с каждым углом в ней воспоминания.

Но где тогда я буду жить?

И как смотреть себе в глаза?

Да даже если я и выиграю суд, а дальше что? Вечный позор гулящей жены с бродящим по интернету видео?

Глава 7 – Заднюю гнать поздно

Вчерашний визит этой шаломындры выбил меня из колеи. Меня будто парализовало, а потом всю трясло. Но не от страха, а от ярости. С этим лицом я уже давно не чувствую себя человеком. Не то, что уверенной. Такое чувство, будто это я всем должна, хотя должны мне! Позволяю так об себя ноги вытирать, это правда... Я не знаю, как по-другому, в первый раз сталкиваюсь с такой жадностью и токсичностью.

Как только наткнулась на эту чёрную полосу, так света не видеть. Снежным комом...

Неожиданно звонит Лёша.

Первая мысль: хочет добить.

Беру всю свою смелость в кулак и снимаю трубку.

– Что тебе нужно? – ядовито шиплю. – Её послал, так не хватило... сейчас будешь додавливать?

– Её? Кого её, Ир? Я лишь звоню спросить. Посеял где-то ключи от машины, а запасные не нашёл, когда дома был. Ты знаешь, где они? Ты в прошлый раз убиралась может куда-то запихала. Или... – он делает длинную паузу, – или ты и их спрятала, чтобы мне напакостить?

– Так, всё, хватит. Всё сказал? Делать мне больше нечего, твои ключи прятать! Ищи сам. Ещё и смелости хватает мне звонить после такого? Какой же ты... какая же ты сволочь!

– После какого? Я тебя не понимаю. Ты про развод? Мы

же это уже...

– Про бабу твою! Как ты посмел послать её ко мне? Само-
му храбрости не хватает поговорить со своей же женой? А я-
то думала в тебе ещё осталась хоть капля совести...

– Постой-постой. Ты про Лилию? Она к тебе приходила? –
спрашивает он так, будто в первый раз слышит.

– Она-она. А кто ещё? Не притворяйся, что не знаешь!
– окна уже трещат от крика, Лаврик спрятался под кровать
от греха подальше. – Ключи ей дал... от НАШЕЙ квартиры.
Считаешь это нормальным? Хоть раз... Хоть раз бы подумал
головой, а не своим... Тьфу!

– Что?! – завопил он. – Ир, клянусь, не знал про это. И
ключи ей не давал, – в замешательстве. – Я ей выскажу...
вздумала, чёрт её подери. Что именно она тебе там нагово-
рила?

– Не притворяйся святым! Она сказала, ты послал её меня
шантажировать!

Молчание.

– Делать больше нечего, как придумывать видео, пороча-
щее мою честь? Совсем мозги засохли? Я, может, и дура. Но
чтобы та-а-ак от меня избавиться...?

– Погоди-погоди! Я вообще не понимаю, о чём речь. Но
что бы она не сказала, забудь про это, я с ней поговорю. Ты
так не переживай, – он произнёс это так спокойно, что меня
ещё сильнее взбесило через трубку.

– Не переживай? – наезжаю я, меня понесло. – Говорит

мне человек, с которым у нас через три месяца была бы розовая свадьба. Человек, который клялся в вечной любви, а теперь прячется за чужой юбкой. Тот, которого я всё ещё люблю несмотря ни на что, тот, кто вонзил мне нож в спину! Это всё, что ты можешь сказать? Не переживай?!

– Ира. Я не хотел всего этого, клянусь. Не мог иначе. Всё не так просто, как ты думаешь...

– Не просто? А что же? Какая же на самом деле тогда проблема? А? Помимо мозгов ещё и язык отсох?

– Я... Я просто... – запинаясь он. – Тьфу! Ну, говорил же, что с тобой чувствую себя виноватым. Говорил! Зачем ты заставляешь меня повторять всё это? Мне... мне просто нужна смена обстановки, – прозвучало слишком неуверенно.

– Ты поэтому у меня квартиру отбираешь? Потому что нужна смена обстановки? Так вали! Вали в другую хату, да хоть на край света! Меня-то зачем обдираешь? Смена обстановки ему нужна... Что за липовые отмазки?

– Так я...

– Хочешь новую жизнь, я знаю. Сказал бы давно уже, в чём причина, мямлишь и мямлишь, – специально провоцирую его, не могу больше слушать эту ложь: «ты меня пойми, я чувствую себя виноватым, всегда грустная ходишь».

– Прекрати.

– Ну! Скажи же! Давай! Почему бросаешь меня? Ну?

– Ир, успокойся... – нервничает он.

– Неужели и правда влюбился в эту Зюзю? Да она тебя на

первого богатенького променяет! Думаешь, сдался ты ей?

– Хватит! Достала! Да! Да... Не могу я! Не могу больше смотреть на тебя, – слышу горечь в его голосе, от этого ещё больнее. – Твоё новое лицо выело мне все глаза. Я любил тебя, правда, и люблю до сих пор, но мне нужна красота, мне нужно чем-то любоваться, чему-то радоваться. Телу женщины, красивому, утончённому, с формами. А у тебя, ну... Уже и не только в лице-то проблема, Ир. А если б родила? Тебя б, наверное, вообще размазало. Раньше ты такая худенькая была, но с формами... Вся такая... кхм-кхм – жирок только там, где надо. А щас всё расплылось.

Я с этого выпала. Неужели это правда? Ему плевать на мою душу? Моему собственному мужу всегда было плевать кто я и что из себя представляю? Только тело его волновало? Моя грудь третьего размера да выпирающая попа?

После аварии не только моя жизнь рухнула в плане работы и семьи, но ещё и депрессия нахлынула, а за ней пошли и лишние кило. А всё из-за этого скотины ж...

Да, я его простила за аварию, уже давно. Но обвинять в... этом – просто немыслимо.

Он продолжает:

– Я люблю тебя, Ир. Правда люблю. Но не могу так больше. Отпусти меня уже. Отпусти. Давай начнём всё сначала. Только по отдельности.

– Знаешь. Ты – идиот. Полнейший. Не знаю даже, как я не видела в тебе это все эти годы. Когда ты ещё меня от ребёнка

отговаривал, тогда уже должна была сигналка сработать.

– Тебе больно, я понимаю. Ты это говоришь, чтобы защитить себя от чувств ко мне. Но я к тебе никогда, – задумчивая пауза, – не вернусь. Прими это. Страдать – это нормально. Все страдают, когда любят... Но ты только не причини себе вреда. Продолжай жить и всё наладится. Кто-нибудь тебя полюбит. Только...

Не знаю, что он там ещё хотел сказать, но я обрубилась связь.

Кто-нибудь?

Кто-нибудь полюбит?!

Да как он может такое говорить?!

Подонки! Лжецы! Нарциссы!

Гад! Предатель!

Мужлан!

Смотрит, видите ли, на всех с высоты табурета...

Страдать я по нему буду, ага. Пошёл ты!

Я умылась холодной водой и, успокоившись, вспомнила, что сегодня у меня свидание с Евгением. Как-то не хочется... Но пойду. Назло всем.

Не знаю зачем, но купила электронный лотерейный билет. Знаю, глупо. Да и шансов мало. Но на сегодня меня это немного успокоило. Возможность выигрыша вселяет уверенности в мою перекошенную жизнь. Результаты этим вечером.

А пока я приму ванну и дам себе время прийти в себя.

– Лиль, иди-ка сюда... – мягко сказал я, но от напряжения задёргался глаз.

– Что такое? – она облокотилась на косяк, распахнув халат пошире и постреляв глазками.

– Ты во что вырядилась?

– Соблазнительно же. Нет?

– Скорее, нелепо.

– Ничего ты не понимаешь, – фыркнула она и собралась уходить.

– Подожди, говорю! Ты мне объяснишь, что случилось вчера?

– В смысле? – строит глазки.

– Где ты была?

– У подруги. Ты что, не доверяешь мне? – лоснится рядом.

Разумеется, нет. Я тебя плохо знаю, чтобы доверять.

– Дело не в этом. И что, ты целый день у неё была?

Она прищуривает глаза и понимает, что я в курсе.

– Ну, нееет... – она нервно поправила прядь волос.

– Мне надоела эта тягомотина, Лиля! – взрываюсь я. – Говори, что ты, мать твою, делала у Иры дома?! – она отскакивает.

– Ты знаешь? – сначала в глазах я увидел страх, затем любопытство. – Не думала, что она тебе расскажет...

– Что? Что ты шантажировала её? Ты заявила к ней. Показала ей какое-то своё гребанное видео. О чём оно, а? Дай угадаю... Хотя нет, даже знать не хочу!

– Я... я не...

– Молчи! Ты какое право вообще имеешь заявляться к ней вот так? Ещё и ключи у меня стащила, стерва!

Её равнодушие злило меня сильнее.

– Хватит кричать на меня! Я просто хотела помочь... Припугнуть... Неужели тебе не нужна эта квартира? Нам жить негде!

– Ну живём же щас? Не развалишься. Что ты зацепилась за чужое?

– Так ты на себя посмотри! Ален Делон, блин, воплоти. Вот всё тебе жизнь дала, мозги, внешность, достоинство солидное, а денег не дала! Думаешь, я согласна на шалаш? Я ж для тебя стараюсь, из ямы тебя вытащить! – истерически пищит. – Сейчас Парижа вообще не видать!

Я уже прикрываю уши от её писка.

– Хочешь Париж, почему богатенького не выбрала?

– Так ты ещё найди их... – закатывает глаза. – Да и вообще, я в тебя влюбилась.

– Ага, губа не дура, – иронично.

– Реально, Лёш, – остывает она. – Давай не будем ругаться. Обещаю, что не буду трогать твою уро... кхм, женушку. Мне важнее наши отношения. И если ты такой великодушный, то я это приму.

Смешно от этого слова.

Я не великодушный. Я полный мерзавец, но заднюю гнать уже поздно, я уже всё решил.

Глава 8 – Лотерея

Вечер

Я распаковала свою давно забытую косметичку с тональниками и пудрами, нашла скульптор и даже хайлайтер. Всем этим я не пользовалась со дня аварии. Не было сил на это.

Впечатывая слой за слоем тональный крем оттенка слоновой кости в свою рыхлую кожу, я подсознательно надеялась, что этот страх хотя бы не будет бросаться в глаза. Но, посмотрев в зеркало, меня постигло разочарование. Тонна косметики хоть и сгладила кожу, но полоса, похожая на Китайскую стену, была отчётливо видна. Меня бы спас только профессиональный грим.

Я делаю последние штрихи – наношу красную помаду и обвожу губы карандашом, чтобы придать им симметричности и сделать ровный контур. Затем стираю ватной палочкой помаду до тех пор, пока она не становится полупрозрачной. Вызывающий стиль не в моём репертуаре.

Из одежды – бежевое платье с воротником и рукавами, тёплое, до колен. На ногах прозрачные колготки и полусапожки. Про причёску тоже не забыла – мягкие кудри, слегка падающие на левую сторону лица.

Вызываю такси.

Волнение даёт о себе знать. Чувствую, как по спине катится капля пота. Хотя дома прохладно.

Накидываю пальто, но не застёгиваю. Выхожу в подъезд, вижу, как Лаврентий провожает взглядом. Будто говорит «только не помри, ты мне нужна. Кто ещё меня кормить будет?»

И зачем вообще я иду на это свидание? Я даже ещё не развелась толком.

Хотя... кого я обманываю? Я точно знаю, зачем иду – чтобы проверить, есть ли у меня шансы на рынке. Рынке мужчин и серьёзных отношений, а может даже и любви... Есть ли там счастье? Примут ли меня? Хочется разузнать сейчас, чтобы себя подуспокоить.

– На свидание? – внезапно спрашивает водитель.

– Эм... – на лице вымученная улыбка. – Да. Заметно?

– Как же ш! – пялится в зеркало заднего вида. – Така-а-я женщина! Всех с ума сведёте мужиков.

– Ой, да что вы... – сильнее прикрываю левую часть лица волосами.

– Я б женился на вас, да есть уже жена! Хе-хе, – стучит пальцами по рулю. – Ладно-ладно, шучу. Я за жёнушку свою горой, ни на кого не променяю. И вам желаю найти того самого!

Я только лишь вздыхаю, осознавая, что «тот самый» променял меня на змеюку подколенную.

– Вот и приехали. Семь минут делов. Не Москва всё-таки, хе-хе.

– У меня по карте оплата.

– Вижу-вижу. Всё прошло. Ну, удачи вам!

– Спасибо... Передайте вашей жене, что у неё отличный муж... Пусть держится за такого, а то и отобрать могут... – выхожу из автомобиля.

– Да она меня как быка за рога! – посмеялся он и дал газу, как только я закрыла дверь.

Как ни крути, а таксист вселил в меня немного уверенности.

Я почувствовала, что стою твёрдо. На одежде – ни пылинки, ни пятнышка, в зубах – ничего не застряло, а ветер придал волосам большего объёма.

Захожу в ресторан. До встречи ещё 10 минут. Выбираю столик у окна, сажусь и изучаю меню. Глаза периодически скользят по входу. Заходят парочки, подружки, а также одинокие молодые девушки, видимо, пытающиеся подцепить богатеньких в дорогом месте.

Вдруг заходит мужчина, сдаёт кожаную куртку в гардероб. Я разглядываю его лицо – ну точно, Евгений. На нём светло-голубая рубашка, заправленная в серые джинсы, и до блеска начищенные туфли. Хотя к этому прикиду больше подошли бы кроссовки. Ощущение, что он взял из нескольких образов по вещи и напялил их по отдельности.

Он направился в зал и, мельком меня оглянув, пошёл в другую сторону. Не заметил? Или не узнал?

Я машу ему рукой. Не видит.

– Евгений! – прокричала я чересчур звонко, все на меня

обернулись.

Он прищуривается и подходит к столику.

– Ирина? – сглатывает он.

Я привстаю и подаю ему руку.

– Да. Приятно познакомиться.

Он замер, приоткрыв рот.

– Что-то не так? – спрашиваю я.

Он садится и показывает мне рукой тоже присесть.

– Нет, ничего. Давай сначала что-нибудь закажем.

– Хорошо.

Он листает меню уже несколько минут, а выбрать ничего не может. Видимо, глаза его там, а мысли совсем в другом месте.

Подходит официант.

– Уже выбрали?

– Вот, и вот это... – тыкаю пальцем по номерам.

– А мне, пожалуйста, вот этот коктейльчик, – Женя проводит пальцем по барной карте, – и... давайте какой-нибудь супец. Рыбный.

Официант оглянул его с небольшим презрением, будто тот сказал какую-то глупость. Видимо, его не устроило сочетание молочного напитка и рыбного супа. Он сжал губы, пытаясь не ляпнуть ничего лишнего и ушёл.

– Ну что, Ирка-Ирка... – вдруг начал он. – Столько всего навалилось, если честно. Прямо мозги набекрень.

Я киваю, не зная, что на это ответить.

– А ты давно на этих... свиданках? – спрашивает он,ковыряя салфетку.

– Первый раз. После...

Он резко кивает, перебивает:

– Не, ну правильно. Надо выходить в свет. Жизнь же одна, верно? Люди вот заморачиваются на внешности всякой, а по мне – это всё фигня. Главное – душа.

Он смеётся сам над собой, не глядя на меня.

– Типа, можно быть моделью, но, если внутри пусто – смысл? Ну, то есть, не в смысле... В общем, ты понимаешь.

– Понимаю, – тихо отвечаю, разглядывая вилку. Только зачем он вообще про это начал говорить? Неловко.

– Я вот, например, всё время людей чувствую. Сразу понимаю, мой человек или нет. Энергии важны. А не там нос, или щека, или глаз. Ну... ты поняла.

Он заикается, пытается быть милым, но его кривые фразы режут уши.

– Кстати, у тебя голос приятный, – вдруг выдает он. – Спокойный такой. Как будто можно рядом спать.

– Спасибо...

– Ты ещё что-то хочешь? Десерт? Я бы съел кусок наполеона. Ты не стесняйся, заказывай, счёт на мне.

Мне, конечно, стало приятно, что ещё существуют мужчины, которые не делят счёт с женщиной 50 на 50.

Дальше мы ели молча, а потом ещё говорили про какую-то музыку, про отпуск, про Москву и Питер. Он даже предла-

гал как-нибудь поехать вместе. В конце концов разговор перестал быть неловким, и я даже поняла, что у нас есть много общего.

Через полтора часа мы у выхода.

Он приобнимает меня, аккуратно, без пристрастия.

– Спасибо за вечер, Ира. Ты классная, правда. Мне было приятно.

– И мне, – глупо улыбаюсь я.

– Тебя подвезти?

– Да нет, я на машине.

– Ого, женщина, да ещё и водит! Красота-а-а.. Ну, что ж, тогда до встречи! – подмигивает он мне, и мы расходимся.

Я еду домой, даже немного счастливая от того, что всё прошло лучше, чем я планировала, хоть и с одним красным флажком.

Я разрешила себе чуть-чуть порадоваться, забыв о разводе и делёжке имущества. Даже ненадолго забыла про свой шрам. Вернулась домой и, не смывая макияж, включила музыку. За последние недели я впервые почувствовала себя женщиной, у которой не всё потеряно.

Заварив чай, я завтыкала в интернете.

Позже приходит сообщение:

«Ирина, я должен быть честен. Я не знал, что у тебя...»

Это первое, что я вижу в вылезшем сверху уведомлении.

Тыкаю на него. Согнувшись, нахмуриваюсь и продолжаю читать.

«такой... шрам. Не подумай ничего плохого, ты крутая, правда. Я не хочу тебя обидеть, но, наверное, это было наше первое и последнее свидание. Прости, что не смог сказать это при встрече. Я не тот, кто сможет это принять. Удачи тебе».

Я читаю трижды. В горле пусто.

Стираю сообщение.

И в блок.

Голова не соображает, а пальцы сами заходят в приложение и проверяют результаты лотереи.

«Главная страница – мой аккаунт – билеты – проверить».

Маленькими буквами написано «Без выигрыша».

С каменным лицом и горечью в сердце я зашла на официальный сайт авиакомпании и купила самый дешёвый билет в один конец – в Москву.

До встречи, тётя Злата...

Глава 9 – Не успела

Телевизор на фоне. Передача про детские сады.

Я разбираю сообщения на почте, периодически поглядывая в экран.

– Переключи, – слышу недовольный голос Лили из коридора.

– Зачем? Ты всё равно не смотришь.

– Раздражает.

– Что именно?

– Ну вот они.

– Они?

– Дети. Терпеть не могу...

Я осел. Понятно теперь. Всё всерьёз.

– Так не смотри, – удивляюсь я. – Ты всё равно своим занята. А мне интересно.

– Я не смотрю, зато слышу! Писклявые голоса эти, – корчит нос.

– Ты всё время придираешься, – тихо замечаю, не отрывая взгляда от экрана.

– Я просто честная, – Лиля бросает с раздражением, заходя в комнату и хватая пульт. – Все эти сопли с детьми... Тошнит уже. Ни к чему эти сюси-пуси. Живём один раз, нужно брать от жизни всё, а не менять памперсы и возиться с орущими бэбиками.

Я молча смотрю на неё. Внутри – щелчок. Сухой, неприятный, как трещина по стеклу.

– Ну правда, – продолжает, скрестив ноги. – Разве не лучше наслаждаться свободой?

– А может, кому-то это неважно? – спокойно спрашиваю.
– Может, есть те, кто в этом находит смысл. Радость.

Она закатывает глаза, будто особенная.

Я удивляюсь, как раньше не слышал этого тона. Или не хотел слышать.

Молчу. Смотрю на картинку, как маленький мальчик смеётся, цепляясь за руку отца. И чувствую, как что-то внутри обрывается. В который раз.

И тут она переключает.

– Ты же знал, что со мной не будет этих хлопот. Я честно тебя предупредила. Я тебя не обманывала.

– Знаю.

До суда я поживу у тёти.

Мне срочно нужно было сменить обстановку.

Лаврентия я отвезла матери. Это, конечно, крайняя мера. Пршлый раз она так его откормила, что пришлось садить на диету и покупать беговое колесо.

Полёт прошёл гладко. Но была небольшая заминка на стойке регистрации – не могли поверить, что это моё фото

в паспорте.

Уж что-что, а менять я его не буду. Хочется хотя бы в паспорте не выглядеть убого.

У Домодедово меня ожидали чайки-таксисты.

– Такси!

– Такси!

– Вам куда?

– Такси!

– За две садись...

Я взяла электричку. Она как раз шла в сторону района моей тёти – Малое Видное.

В вагоне было куча людей, я даже не села, да и мне никто не уступил. Пару раз толкнули в плечо.

Колёсико у чемодана сломалось, пришлось тащить как тащится.

Выходя на станции, я затормозила перед турникетами. Оказывается, билет нужно держать до тех пор, пока не выйдешь со станции. А я выкинула его на перроне, как только вышла из поезда. Заставили платить по двойному тарифу.

На улице было серо и дождливо, но я плелась в надежде на горячий чай и компанию своей любимой тётушки в её уютной кухне.

В 10-ти минутах ходьбы от её дома я остановилась. Телефон завибрировал.

Лёша.

Что ещё? Не всё сказал? Мало грязи вылил?

Хочу сбросить, но почему-то палец сам смахивает на «принять».

– Алло? – слышу его голос. – Ира?

И молчание. Будто кроме меня по этому номеру мог дозвониться ещё и до Обамы.

– Нет, я не Ира. Для тебя Ирина Сергеевна.

Чёрт, нет, звучит даже как-то сексуальнее.

– Хорошо, Ира Сергеевна. Вы почему не дома? Я же сказал, что можете жить сколько захотите, пока не разберёмся кто куда... Время есть. Я же не изверг какой-то, чтобы выгонять тебя так сразу, – включил он свой суровый убедительный голос, от которого у меня всегда были мурашки по коже.

– А не ты ли мне говорил чемоданы собирать? – вспоминаю я.

Он раздумывает.

– Я это имел в виду... образно. Ну, то есть... Да. Но не так сразу же.

– Дай угадаю, ты не хочешь быть законченным подлецом? Хочешь быть просто подлецом. Мол, вот я тебе уступаю... Выглядит жалко!

– Я не это имел в виду.

– Тебе какое дело, где я? Ещё раз позвонишь, клянусь, я не поленюсь, возьму битую и тачку твоей трындец!

Тяжелое дыхание в трубку.

– Два раза повторять не буду, – продолжаю я.

– Как знаешь.

Сбросил.

Беру чемодан за ручку и продолжаю идти, раздумывая о том, что пора бы заморозить яйцеклетки пока не поздно.

Сворачиваю налево, за ларёк, и иду прямо. Справа показались ворота тёти – бордовые, высокие. Виднеется двухэтажный домик, немного покосившийся, но от этого не менее красивый. За пятнадцать лет рядом уже выросла огромная черёмуха.

Осталось только повернуть направо, к главному входу.

Я перескочила через лужу и, высунувшись из-за угла, застыла.

У ворот стояли две машины – полицейская и скорая. Двери были распахнуты настежь. Люди в форме сновали туда-сюда, кто-то переговаривался вполголоса.

Мгновенно похолодели пальцы. Сумки выскользнули из рук и плюхнулись в грязь. Я рванула к воротам.

– Что случилось? Простите, что происходит? – голос дрожал, будто от холода.

Из машины скорой вышел мужчина в медицинской форме. Пожилой, с усталым лицом.

Он подошёл ко мне медленно, почти не глядя в глаза.

– Вы... простите, вы знаете женщину по имени Злата Афанасьевна?

– Да... да! Это моя тётя! – слова вырвались с хрипом. – Что с ней?! Она... она здесь?

Он вздохнул. Опустил глаза.

– Сожалею... Она скончалась. Мы... мы сделали всё, что могли.

Мир внутри меня рухнул. Всё вокруг замерло. Голоса стали глухими, цвета – тусклыми.

Мой рот открылся, но ни звука не вышло. Просто тишина и удар, глухой, как падение сердца.

– Нет... – выдохнула я. – Нет, этого не может быть. Я только что... я же недавно... я же получила от неё письмо!

Словно кто-то вырвал кусок моей жизни. Пустота расплзалась по груди, сжигала лёгкие.

Колени подогнулись, я схватилась за руку мужчины, он помог мне устоять на ногах.

Слёзы не шли. Только в голове билась одна фраза: «Не успела... я не успела».

Глава 10 – Завещание

Что за череда чёрных полос меня преследует? Сплошные неудачи! За что мне это, боже? За что? Карма моя? Или наказание? Да вроде никогда даже другим зла не желала... Обычно такой опыт дают тем, кто застрял, кому жизнь наскучила – чтобы в порядок их привести, разбудить. А мне за что? Я любила свою жизнь! Я была счастлива! Полтора года назад...

- Ир, ты ещё здесь? Алло? Плохо слышу...
- Ах, да-да... – забываю, что Таня на связи.
- Ты вообще слышала, что я сказа

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.